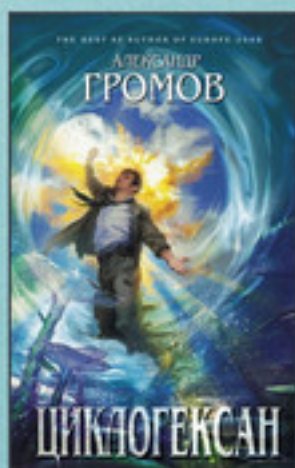

Александр Громов

Всяк сверчок

*Часть сборника
Циклогексан (сборник)*

Александр Громов

Всяк сверчок

«ЭКСМО»

1995

Громов А. Н.

Всяк сверчок / А. Н. Громов — «Эксмо», 1995

«Шаг. Еще шаг. И звенят цепи. Опять? Ну да, опять. Как будто нельзя было подождать еще немного. Ничего, сейчас я приду в себя и выясню, где я и что со мной можно сделать. А цепи все звенят...»

© Громов А. Н., 1995

© Эксмо, 1995

Александр Громов

Всяк сверчок

Героям космических боевиков посвящается

Шаг. Еще шаг. И звенят цепи.

Опять? Ну да, опять. Как будто нельзя было подождать еще немного. Ничего, сейчас я приду в себя и выясню, где я и что со мной можно сделать. А цепи все звенят.

Я еще плохо видел, но по долгому, сопровождавшему нудный стук шагов эху понял, что дорога ведет через горы. Кажется, уже наступил рассвет; в такое время нынешнее белое светило, сегодня заметно более крупное, чем вчера, только набирает размах, готовясь к взлету над хребтом, а два его карликовых спутника, желтый и оранжевый, стараются вовсю, раскрашивая вершины радостными красками, – но когда наступит полдень и тройное солнце выползет в зенит – тогда все будет иначе: карлики исчезнут в короне главной звезды, снежные пики вспыхнут нестерпимым блеском и безжизненные склоны зальет ровный мертвенный свет. Вот тогда начнется самое трудное: сколь ни жмурься, а к вечеру резь в глазах станет невыносимой и воспаленные веки будут царапать глазные яблоки как крупный наждак. Нет, утро куда лучше. Глаза пока не болят, темп движения невысокий, и когда прекратится озноб, оставленный на память убийственным холодом ледяной ночи, я на короткое время пожалею, что не родился поэтом, чтобы описать великолепную игру красок на гребнях гор, тонкие струи водопадов, срывающихся с далеких скальных уступов, настолько совершенные, что к ним просто нечего добавить и поэт будет мучиться, подбирая слова и подозревая, что слов таких нет. Ну, нет так нет, и значит, можно написать куда короче, к примеру так:

...Дорога петляла среди гор в нескончаемом подъеме. Колонна осужденных понуро двигалась вперед. Время от времени позади сухо щелкал выстрел: конвойные добивали отставших...

Вот и все. Более чем достаточно. И я подозреваю, что именно так и будет написано. Дело в том, что Он...

Трах! Не дали довести мысль до конца. Это где-то сзади. Ну вот, что я вам говорил.

Я оглянулся. Позади густо вставала пыль, поднятая сотнями ног, но сквозь пылевую завесу было видно, как двое охранников тащат тело убитого к краю обрыва. Люди в колонне, втягивая головы в плечи, невольно ускорили шаг. Но надолго их не хватит, через некоторое время усталость возьмет свое, кто-то отстанет и тогда снова прозвучит выстрел. В хвосте колонны, как всегда бывает, идут самые слабые и измученные и, может быть, самые счастливые из всех осужденных, потому что они не увидят рудников, им не дойти даже до перевала, они это знают и, наверное, сознают, что лучше уж сразу, – но идут, идут...

Тело убитого было сброшено вниз. Оно будет долго лететь, переворачиваясь в воздухе, ударяясь о выступы скалы, и в конце концов достигнет дна. И пока колонна не дойдет до рудников, многим придется испытать ту же участь. Но только не мне. Потому что это было бы слишком просто...

...Цепь, сковывающая руки, больно врезалась в кожу. Чтобы отвлечься, Орк считал шаги. Через каждые пятьсот он разминал затекшие пальцы на руках, предчувствуя, что руки еще понадобятся, и осторожно скашивал глаза в сторону идущего справа охранника. Следовало выждать удобного момента...

Итак, начало положено. А Ури Орк – это я. На сей раз я родился в колонне осужденных на бессрочную каторгу, а значит, максимум на полгода, больше никому не выдержать. Не самая приятная стартовая позиция, но прежде бывало и похуже. И я скован цепью, иными словами – буйный и склонен к побегу. И охранник, тот самый, идущий справа, при первой возможности подстрелит меня с особенным удовольствием, да только успеет ли? И то, что он, держа карабин под мышкой, преспокойно шагает на полпути между мной и обрывом, говорит очень о многом. Например, о том, что он болван, каким по авторскому замыслу и полагается быть охраннику, и еще о том, что мне действительно предстоит попытка побега с этапа, откуда не убежал еще никто, да еще самым прямолинейным и недвусмысленным путем – в пропасть.

Будь моя воля, я подождал бы более реального шанса. Это Он думает, что я не боюсь высоты. Автору позволено многое. Впрочем, пока все верно: высоты я действительно не боюсь. Но из этого факта Он, кажется, намерен вывести заключение о том, что я не боюсь и падать с любой высоты. А это совсем другое дело.

Так или иначе, мое рождение состоялось, и снова в роли главного героя, другой роли я не знаю. Это ко многому обязывает, и поэтому теперь хорошей жизни не жди. К финишу я, скорее всего, приду полумертвым, но в конце концов верх будет за мной. Это неизбежно. Меня не убьют, не искалечат непоправимо, не выбьют мозги, сделав идиотом. Ничего этого не случится, зато о погонях, драках, прекрасных дивах и хитрых головоломках можно сказать с уверенностью: что-то будет. Если особенно не повезет, то все сразу.

Какое же это рождение по счету: двадцатое или двадцать первое? Надо же, сбился. Ну ладно, пусть двадцать первое. Выводок рассказов с общим героем – мною. Да, еще был роман и, кажется, имел успех, но о романе вспоминать не хочется, на то есть свои причины. Нет, Герой – это замечательно. Главный – тоже неплохо звучит. Но Главный Герой у моего Автора – это мускулистый мальчик для битья. И бьют больно.

...В полдень жара дошла до высшей точки. За спиной все чаще гремели выстрелы – конвойные, одетые в охлаждающие костюмы, не знали пощады. Идущий, вернее, плетущийся рядом с Орком молодой осужденный вдруг остановился с широко раскрытыми невидящими глазами, пошатнулся и упал под ноги идущим. Из рта его хлынула темная кровь. Один из охранников, не сбавляя шага, вскинул карабин, прищурился на упавшего и пустил пулю в уже мертвое тело. Орк шел, трудно дыша сквозь стиснутые зубы, и поднятая колонной пыль скрипела на зубах...

Здесь Он прав, я действительно трудно дышу и мне тяжело, потому что корявая фраза о жаре, дошедшей «до высшей точки» хотя и метафорична, но тем не менее не допускает двоякого толкования. Очевидно, имеются в виду пределы человеческой теплостойкости. Впрочем, это неважно. Если Он заявит, что жара превзошла эти пределы, ничего особенно не изменится. Затем я на время отключаюсь, потому что Автор решил больше не темнить и кратко рассказать обо мне – этаким небрежным реверанс в сторону олухов, не читавших предыдущих рассказов, – а заодно и прояснить ситуацию.

Короче говоря, я – Ури Орк, в редких случаях – Уриэл Оркад, положительный Герой-всегда-остающийся-в-живых, неизвестно – блондин или брюнет, выше среднего роста, мужеска пола и неопределенного зрело-молодого возраста. Цвет глаз серый, оттенка нержавеющей стали, подбородок квадратный. Часто – очень квадратный. Иногда подбородок есть то единственное, из чего состоит мое лицо. Вынужденно спортивен. Любим женщинами за характер и твердые бицепсы (о трицепсах Автор забыл, поэтому трицепсов у меня нет). Мастерски владею любым оружием, и хотя часто успеваю выстрелить только вторым, но попадаю в цель, как правило, первым. Главное занятие и смысл жизни – борьба с мировым Злом, поскольку убежден,

что Добро безгранично, а Зло имеет предел, до которого я пока что не добрался. Кроме того, охотно занимаюсь перевозкой грузов на собственном звездолете. Беру наличными и вперед.

Как оказалось, на этот раз я взялся транспортировать обогащенную руду с Дилии XXIII и после очередного внепространственного прыжка был занесен во враждебное пространство, охранявшееся весьма строго. Убедившись на месте, что картина сигма-поля совсем не та, я осознал свой промах и, не решившись на немедленный повторный скачок, после которого меня с большой вероятностью могло бы занести в неизведанную область Галактики, продолжил полет, надеясь вырваться на форсаже плазменных двигателей. Разумеется, я понимал, что попираю все местные законы, если таковые существуют, но как хотите, а есть во мне некая изначальная злонамеренность, Герой-всегда-остающийся-в-живых просто обязан быть немного злонамеренным, иначе пресно. Как и следовало ожидать, я попался, оказав сопротивление при аресте. Груз был конфискован в пользу здешней Империи, звездолет, получивший серьезные повреждения, продан на слом, а я был приговорен к смертной казни, милостью Верховного Распорядителя замененной пожизненной каторгой на радиоактивных рудниках отдаленной планеты, имеющей странное название – Бражник.

Следовало признать, что влип я основательно. Империя, в чьи владения я вломился без приглашения, давно торчала костью в горле всего прогрессивно настроенного человечества и пыталась распространить свои феодальные порядки на всю обитаемую Вселенную. Назревала война. Империя накапливала силы, и все большие массы рабов и проштрафившихся вассалов сгонялись на Бражник, находившийся на краю владений Империи и являвшийся ее главной сырьевой базой.

Как не замедлило выясниться, Бражник не имел постоянного солнца и располагался в тесном звездном скоплении. Эта обобществленная планетка кочевала от звезды к звезде, двигаясь по сложной незамкнутой траектории, что обуславливало резкие изменения климата и отсутствие сколько-нибудь специализированных форм жизни. Зато гигантские тектонические разломы, явившиеся следствием чудовищных приливных сил, сделали планету богатейшей кладовой разнообразнейших руд редких элементов. Какую-то из этих руд мне и предстояло ломать в неведомой радиоактивной шахте всю оставшуюся жизнь, то есть (или я уже говорил об этом?) – недолго. Когда нынешнее белое светило, поиграв Бражником и раскрутив его, как метатель молота раскручивает дурацкий свой снаряд, запустит планету в неизвестном направлении, начнется многомесячная ледяная ночь и большая часть каторжников попросту вымрет от холода. Если до того времени не сдохнет от радиации. Потому-то так торопят охранники, привала не дают – жми, пока солнышко светит. Кто там опять отстал? Трах!

...Это был убийственный марш. После полудня, когда одолели перевал, число людей в колонне уменьшилось на треть. Несмотря на то, что самая трудная часть пути осталась позади и начался монотонный спуск, заключенные едва волочили ноги. Орк чувствовал, что сильно устал, но не позволял себе расслабиться. Мысль о том, что с рудников бежать невозможно, держала его в напряжении. Оставалось либо смириться, либо предпринять отчаянную попытку побега раньше, чем колонна достигнет рудников. Следовало лишь дожидаться удобного случая...

Я начинаю звенеть своей цепью, вызывая гарпийским кодом: «Побег, побег, побег...» – в расчете на то, что среди моих соседей по колонне найдутся люди с Гарпии IX. Мне может не повезти, и один раз я едва не срываюсь на вульгарный тюремный код, тюремный код знают многие, но наверняка он известен и охранникам. И я продолжаю названивать по-гарпийски.

Наконец один откликается. Он идет впереди меня, и, когда оборачивается, будто бы невзначай, я вижу его лицо, квадратную и мясистую ряшку типичного гарпийца с трехнедельной щетиной до поросычких глаз. На нем нет цепей. Он едва заметно кивает и выщелкивает

пальцами ответ: «Сам ты кретин!» Он не верит. Пальцы у него короткие, но щелкают что надо, даже слишком громко, потому что ближайший охранник обращает на него внимание, берет карабин наизготовку и нехорошо усмехается. Будет стрелять или нет?

Ну вот, теперь он смотрит на меня, смотрит с прищуром, и мушка его карабина ползет в мою сторону. Почему в мою? Зачем это нужно Автору? Вот гад, сейчас ведь выстрелит. Пока не поздно – усыпить его бдительность! Вот та-ак. Ноги заплетаются, голова безвольно поникла. Вот я спотыкаюсь, чуть не падаю и всем своим видом выражаю животный страх и томление души. Охранник доволен. Он презрительно сплевывает и отворачивается. Тем временем мои ноги, отчаянно заплетаясь, начинают дрейф в его сторону. Через минуту я уже нахожусь на правом фланге колонны, теперь один хороший прыжок, и... Неужели ласточкой с обрыва?

...Обломок скалы качнулся под ногой охранника и, едва тот успел отскочить, рухнул вниз, увлекая за собой камни помельче. Секунду спустя за кромкой обрыва уже грохотала лавина катящихся вниз камней, и Орк в мгновение ока понял, что в этом месте под дорогой нет пропасти с отвесными стенами, а есть каменная осыпь. Это давало надежду на спасение.

Но что если он ошибся? Тогда на дне ущелья останется исковерканный труп. Орк не колебался ни секунды. Неожиданно для конвоя...

У моего Автора всегда «неожиданно». Или «вдруг». Иногда – «внезапно». Это непременный атрибут жанра. «Неожиданно» на моем пути встает препятствие, «вдруг» я вижу прекрасную незнакомку и замираю в стойке, «внезапно» – ой! – я проваливаюсь в люк, и т. д...

...предостерегающий крик. Орк прыгнул на ближайшего охранника, вложив в удар весь остаток сил. Цепь, сковывающая его руки, опустилась на череп конвойного...

А я еще терялся в догадках: зачем меня с позволения Автора сковали такой длинной цепью? Оказывается – вот зачем.

...Охранник дернулся всем телом и осел в пыль, но не успел он упасть, как Орк завладел его карабином. Закрываясь охранником как щитом, он успел отстегнуть от его пояса патронную сумку, сорвал тяжелый солдатский нож в ножнах и, отпустив обмякшее тело...

В одно мгновение я обобрал охранника до нитки и, прежде чем ошарашенный конвой успел что-либо предпринять, изо всех сил прыгнул...

...вниз с обрыва. Ему казалось, что падению не будет конца.

Удар. Переворот через голову. Орк успел ухмыльнуться: здесь все-таки была осыпь. Потом ему стало не до ухмылок. Камни рвали его одежду, а он продолжал катиться по почти отвесному склону, пытаясь прикрыть голову скованными руками. Следом с рычанием и яростными проклятиями, цепляясь за все подряд, катился гарпиец. Орк, сжавшись, ждал сокрушительного удара о дно ущелья, но удар неожиданно оказался менее сильным, чем он думал: камни на дне густо поросли толстым слоем мха и лишайника...

В этом весь Автор. Когда Ему нужно, Он и соломки подстелит. Помню, как-то раз я был выброшен из летящего на границе тропосферы флаера, и что бы вы думали – упал в пруд и выплыл.

Я не люблю моего Автора. Он много на себя берет. Например, Ему кажется, что Он умеет писать. Это заблуждение. Он умеет выдумывать сюжеты, и, честное слово, мне жаль, что я обязан Ему своим рождением. А ведь встречаются, встречаются люди, достойные зависти,

имеющие порядочных родителей – взять хотя бы добрейшего старину Ийона или, к примеру... Черт, где это я?

Снова в воздухе и стремительно падаю вниз. Все понятно. Автору почему-то не нравится предыдущий кусок, и, значит, мне предстоит дубль номер два. Скомканный лист летит на пол, а я лечу к осыпи и готовлюсь повторить номер «катится-катится Колобок...» Позади снова рычит и сквернословит гарпиец, но теперь его ругательства звучат куда как внятно. Вот оно что: Автору захотелось колоритных выражений. Гм... длинно и как-то не по-русски. Ну, естественно. Пока проговоришь такую фразу, пролетишь полкилометра. И вот еще что интересно: как Автор собирается вставить эти проклятия? Акцент сосредоточен на мне, следовательно, гарпийский фольклор нужно давать через мое восприятие – а что можно воспринять, кубарем катясь по откосу? Я злорадно ловлю Его на несообразности, втайне надеясь, что Он ее не заметит – иначе, чего доброго, последует дубль номер три.

Однажды Он заставил меня выдержать девять дублей. Сцена была проста: я душил за толстую шею здорового четырехглазого монстра, а монстр кинжалом, выхваченным у меня же из-за пояса, выпускал мне кишки. К концу девятого дубля кишки кончились, и Автор вернулся к первоначальному варианту. В довершение всего какая-то неопрятная монашка из орбитального монастыря зашивала мне живот пять раз подряд. Пять! И разумеется, без наркоза, взамен которого весь клир с воодушевлением тянул псалмы в честь Мирового Разума с поминанием пророка Гегеля и неизвестного мне великомученика Хубилайна. Задушенный-таки монстр оказался слабым утешением, но эту подачку Автора я принял. А что мне оставалось делать?

Справедливости ради должен сказать, что такое с Ним случается редко. Вряд ли Он привык задумываться над тем, что пишет.

...Лежа за валуном, Орк прислушался. Сверху доносилась стрельба: конвой расправлялся с теми несчастными, кто рискнул последовать примеру беглецов. Это не заняло много времени. С обрыва на осыпь не прыгнул больше никто, Орк и гарпиец оказались единственными спасшимися. Спасшимися ли? Сжимая до боли зубы, Орк осторожно выглянул из-за валуна, и тут же в валун ударила первая пуля. Над кромкой обрыва появились фигуры охранников. Перекатившись к противоположному краю валуна, Орк вскинул карабин и выстрелил. Град пуль был ему ответом. Он выстрелил снова, не целясь. Часть охранников залегла, остальные рассредоточились по обрыву, стараясь свести к минимуму непростреливаемый участок за валуном. Это им удалось, и вскоре пули стали плющиться о камни совсем рядом с беглецами. Неожиданно выглядывая из своего укрытия каждый раз в новом месте, Орк вел беглый огонь...

Я не особенно целился. Все равно мои пули полетят туда, куда их направит Автор. Пока что Он направлял их довольно точно: трое охранников скатились вниз и остались лежать среди каменных глыб. Я мельком взглянул на гарпийца – тот лежал, скорчившись, как эмбрион, за своим валуном шагах в двадцати от меня. По нему тоже постреливали, но как-то лениво. Им займутся позже, когда разделаются со мной.

А дальше что? Вот так мы и будем лежать до вечера? У меня не хватит патронов, чтобы продержаться до темноты. Или Автор вдруг решил дать охранникам меня поймать?

...При этой мысли Орк покрылся холодным потом. Лучше было не думать о том, что они сделают с пойманным беглецом. Он в отчаянии пробежал взглядом по голым скальным стенам ущелья. На противоположном склоне в тени скалы – должно быть, поэтому Орк заметил его не сразу! – темнело неровное пятно.

Пещера!

Спасение. Жизнь.

Но до пещеры еще нужно добраться...

Он выстрелил трижды подряд и, пригибаясь, кинулся к соседнему валуну, надеясь только на внезапность своего броска. Ошарашенные охранники открыли огонь слишком поздно, когда Орк уже был в новом укрытии. Гарпиец следил за ним непонимающим взглядом.

– Прикроешь! – крикнул Орк, указывая на пещеру. – Лови! – Точно рассчитав, он перебросил карабин гарпийцу. Теперь оставалось рассчитывать только на собственную ловкость...

И на меткость гарпийца. Гарпийцы все неплохие стрелки, а этот, пожалуй, из лучших... В одном из предыдущих рождений я не поладил с аборигенами Гарпии и был превращен ими в решето. В благодарность я спас их планету от нападения эскадры космических канныбалов и основал на Гарпии школу снайперов имени Орка Великодушного, с девизом, взятым из широко изданного на планете цитатника Ури Орка: «Разуй глаза и смотри, в кого стреляешь».

Я перебегаю за соседний валун. Теперь моя очередь прикрывать, и гарпиец бросает мне карабин. Он летит, мотая ремнем и крутясь в воздухе, как палка. Я ловлю. Делая короткие перебежки, мы все ближе подбираемся к пещере. Остается последний бросок. Охранники нервничают и в который уже раз промахиваются. Институтки. Если я правильно понимаю, сейчас мне нужно снять вон того долговязого, что торчит столбом на правой скале, не давая мне прорваться в пещеру, и тщательно целится – но, конечно же, промахнется. Целюсь и я.

...Долговязый взмахнул руками и покатился вниз. Путь был свободен.

Гарпиец на несколько прыжков опередил Орка и был уже в безопасности; Орк бежал к пещере, не чувствуя под собой ног. Мешали камни, ноги скользили по валунам, сдирая с них моховой покров. Орк выкладывал последние силы. Ему не хотелось думать о том, что будет, если нога вдруг застрянет между камнями. Спасительная тень пещеры была совсем рядом...

Залп! Пули с визгом расплущились о камни у его ног. В следующее мгновение Орк был уже в пещере.

Свобода? Или всего лишь продление жизни на несколько минут?

Теперь спасение было в том, чтобы найти второй выход из пещеры раньше, чем его блокируют охранники. Если, конечно, второй выход существует...

Гарпиец мчался впереди, и Орк, задыхаясь от сумасшедшего бега, изо всех сил старался не отстать. В слабеющем свете быстро удаляющегося входного отверстия пещеры, отраженном ледяными сводами, фигуры беглецов походили на две стремительно несущиеся бесплотные тени...

Спереди донесся глухой удар: одна из бесплотных теней впотьмах нашла головой сталактит. Гарпиец взревел, как медведь гризли, и, не прерывая бега, схватился руками за голову. Мысленно я ему посочувствовал: ему приходится больше думать о себе, ему достаются неудобоваримые огрызки авторского внимания, сосредоточенного в первую очередь на мне. Но нельзя сказать, что я этому рад, очень часто авторское внимание выходит мне боком. Слишком часто.

...– Что это? – хрипло спросил Орк, всматриваясь в непроглядный сумрак. Перед ним, обвившись вокруг остроконечного сталагмита, лежал человеческий скелет в истлевшей одежде. Тазовые кости скелета рассыпались, тускло отсвечивающий череп был покрыт серым налетом высохшей плесени. Орк понял. Этот человек умер давно, многие столетия назад, и успел истлеть в те короткие промежутки времени, когда пылающий жар очередного временного солнца растапливал ледяные пещеры Бражника.

Вперед! Смотреть некогда. Интуитивно Орк чувствовал, что погони не будет, но зато имперцы, лучше знакомые с топографией местности, наверняка попытаются перекрыть второй выход...

Ага, значит, второй выход все-таки существует. С моим Автором не пропадешь. Мы несемся вперед, скользя по льду, спотыкаясь о неровности, и я уже не разбираю, что у меня под ногами: камни ли, обломанные ли сталагмиты или древние скелеты, разбросанные здесь Автором неизвестно зачем и ухмыляющиеся нам вдогонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.